

18+

МАСКАРАД ЛЖИ

МАРИЯ ЛИЭЛЬ

Мария Лиэль

Маскарад лжи

«Издательские решения»

Лиэль М.

Маскарад лжи / М. Лиэль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699530-7

Париж, XVIII век. Мир, где вампиры прячутся за масками, а ложь стала законом выживания. Вивьен живёт уже восемьдесят лет — без имени, без клана, без права на правду. Она умеет исчезать, умеет выживать и умеет не чувствовать. Пока в городе не появляется он — тот, кто не пахнет, не лжёт и убивает тех, кто скрывается за Договором. Каждая смерть оставляет на теле жертвы одно слово: «правда». Чтобы остановить его, Вивьен придётся сделать то, чего она боялась больше всего — заглянуть в себя.

ISBN 978-5-00-699530-7

© Лиэль М.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. БАЛ В ВЕРСАЛЕ	7
ГЛАВА 2. ЧАСОВЩИК	9
ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ СМЕРТЬ	12
ГЛАВА 4. НОЧНЫЕ ПОХОРОНЫ	16
ГЛАВА 5. ВТОРАЯ СМЕРТЬ	19
ГЛАВА 6. ПРЕДЛОЖЕНИЕ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Маскарад лжи

Мария Лиэль

© Мария Лиэль, 2026

ISBN 978-5-0069-9530-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Париж, 1683 год

В подвале пахло смертью.

Не той чистой, выбеленной церковными свечами, а тяжёлой, земляной, липкой — той, что остаётся после драки в грязи. Вивьен сидела на каменном полу, поджав колени к груди, и смотрела на свои руки. На них была кровь. Её собственная? Его? Она уже не помнила.

Тело лежало в двух шагах.

Глаза были открыты. Сквозь грязную повязку они смотрели в потолок, но Вивьен знала, что он видел. Что он видел в последний момент. Её лицо. Её зубы. Её глаза, которые горели алым, когда она пила.

Она не хотела этого помнить. Но тело помнило всё. Вкус. Тепло. То, как сердце под её губами билось быстро-быстро, а потом всё реже, реже... и остановилось.

— Вставай, — раздался голос сверху.

Монфор стоял на нижней ступени лестницы. Его белое жабо было безупречным, как будто он не спускался в этот подвал, а собирался на бал. Он смотрел на неё без жалости. Без гнева. Без чего-либо, что можно было бы назвать человеческим.

— Я не могу, — прошептала она.

— Можешь. Ты уже сделала самое трудное. Остальное — привычка.

Он повернулся и начал подниматься. Свечи в железных подсвечниках дрогнули от сквозняка, тени заматались по стенам, и на секунду Вивьен показалось, что каменные своды сжимаются, превращая подвал в глотку, которая вот-вот проглотит её целиком.

— Ты оставляешь меня здесь? — её голос сорвался. — С ним?

Монфор остановился, не оборачиваясь.

— Ты должна попрощаться, дитя. Не с ним. С собой прежней.

Он ушёл. Шаги затихли наверху, хлопнула дверь, и наступила тишина. Такая густая, что Вивьен слышала, как кровь всё ещё капает с края каменного стола. Кап. Кап. Кап.

Она смотрела на свои руки. Бледные, как мрамор. Сильные, как сталь. Чужие.

— Что я наделала? — прошептала она в пустоту.

Тишина не ответила.

Она закрыла лицо ладонями и замерла. Её плечи дрожали, но слёз не было. Только сухие, колющие всхлипы, которые раздирали горло. Она плакала кровью? Нет. Она вообще не знала, может ли теперь плакать.

— Я больше никогда не буду плакать, — сказала она вслух.

Голос звучал твёрже, чем она ожидала. Словно кто-то другой говорил её устами. Словно человек по имени Вивьен де Лакруа уже умер, а эта тварь, сидящая в луже крови, просто примеряла его голос.

Она поднялась. Юбки отяжелели, пропитавшись влагой. Она посмотрела на тело в последний раз.

— Прости меня, — сказала она.

Он не услышал.

Она пошла к лестнице, оставляя кровавые следы на камне. На середине пути остановилась. Обернулась. Тело лежало в той же позе, руки раскинуты, цепь на запястье тускло блестела в свете догорающей свечи.

Вивьен отвернулась.

И ушла в темноту.

ГЛАВА 1. БАЛ В ВЕРСАЛЕ

Париж, 1763 год, осень

Версаль сиял ложью света. Люстра над центральным проходом горела шестью сотнями огней, и каждый огонь дробился в хрустальных подвесках, рассыпая по залу тысячи радуг. Дамы в тяжёлых платьях кружились с кавалерами в высоких париках. Музыка Люлли плыла над паркетом — тягучая, сладкая, чуть печальная.

Вивьен стояла у окна, в тени зелёной портьеры, и наблюдала.

Она любила балы. Слишком много лиц, слишком много масок — идеальное место для той, чья правда давно умерла.

На ней было платье цвета старого золота — скромное, не привлекающее внимания. Корсет сжимал рёбра до хруста. Белый парик скрывал её пепельные волосы. Веер из чёрных страусовых перьев закрывал лицо всякий раз, когда кто-то проходил мимо.

Сегодня она была маркизой де Монтеспан. Маркиза умерла тридцать лет назад. Вивьен позаботилась об этом лично. Никто не ищет покойницу на балу.

Из зала доносился смех — высокий, жеманный. Вивьен слышала сердцебиение каждого человека. Сотни ритмов. Симфония жизни, в которой она была фальшивой нотой.

Взгляд Вивьен скользнул по залу и остановился на женщине у колонны. Молодая, в розовом платье, с жемчужным ожерельем. Она улыбалась, но пальцы сжимали бокал так, что вот-вот треснет хрусталь. Страх. Не перед смертью — перед мужем, который стоял рядом и шептал что-то злое. Вивьен чувствовала запах этого страха — кислый, острый, живой. Кровь такой женщины была бы горькой. Она отвела взгляд.

— Ваша светлость, вы не танцуете?

Молодой виконт склонился в поклоне. Лет двадцать, розовые щёки, пахнет мускусом и вином. Живой, горячий, неосторожный запах.

Она сделала шаг вперёд. Неосознанно. Тело решило за неё. Виконт улыбнулся, не понимая, как близок к смерти. Ещё дюйм — и её пальцы сомкнулись бы на его запястье. Она остановила себя за мгновение до касания.

Спокойно.

Вивьен почувствовала, как челюсть сжалась. Клыки показались на секунду. Она опустила веер ниже.

— Я устала.

— Позвольте проводить вас в буфетную? Бокал шампанского вернёт вам силы.

Она чуть не рассмеялась. Шампанское. Ей нужна была не вода с пузырьками, а тёплая, густая, солоноватая жидкость, которая бежала у него под кожей, за два дюйма от кадыка.

Спокойно.

Она спрятала клыки, улыбнулась глазами, чуть приподняла бровь. Лёгкий гипноз.

— Я предпочитаю воздух. И одиночество.

Виконт моргнул, улыбнулся рассеянно и исчез в толпе.

Вивьен отвернулась к окну. Снаружи была ночь. Сад тонул в синеве, луна висела низко — бледная, как лицо утопленницы.

Она считала удары своего сердца. Раз в минуту. Медленнее, чем у живых. Но сильнее.

Голод напоминал о себе тупой болью за грудиной. Она не пила уже два дня. Бал — не место для кормления. Но она достала флакон из складок платья. Рискованно, но голод уже начинал мутить рассудок — а это было опаснее любого свидетеля.

Она отвинтила пробку, сделала глоток, прячась за веером. Кровь была солёной, с привкусом железа. Пустота внутри утихла.

— Жалкое зрелище, — раздался голос за спиной.

Вивьен не обернулась.

— Мадлен.

Вампирша вышла из тени. В мужском камзоле, с короткими волосами. На левой щеке — три шрама. Она постоянно трогала их кончиками пальцев, как чётки.

— Ты умерла восемьдесят лет назад, — сказала Мадлен. — Ты просто забыла упасть.

— Зачем ты здесь?

— Посмотри на него.

Мадлен кивнула в центр зала. Там, под люстрой, стоял мужчина в чёрном. Высокий, худой, неподвижный. Он стоял так ровно, что казался частью архитектуры. Но когда Вивьен отвела взгляд, ей показалось, что он сделал шаг вперёд — хотя ноги не шевелились.

Он не пах.

Ничем. Ни мускусом, ни вином, ни страхом. Пустое место. Дыра в реальности.

— Граф Монтегю, — сказала Мадлен. — Приехал месяц назад. Никто не знает, откуда.

— Он человек?

— Он не человек. И не вампир. Он убил пятерых в Лиссабоне. Весь мой клан. За одну ночь. — Я слышала, как он смеялся, — сказала Мадлен тихо. — Не громко. Как будто ему было жаль, что всё так легко.

Мадлен не смотрела на Вивьен. Смотрела на свои руки, которые вдруг начали дрожать. Спрятала их в карманы.

— И ты хочешь, чтобы я помогла тебе отомстить?

— Я хочу выжить. Он охотится на тех, кто прячется за масками. А ты, Вивьен, не снимаешь свою даже во сне.

— Я не подписывала никакого Договора, — отрезала Вивьен. — И вообще ничего не подписываю. Даже счета за вино.

Она отвернулась.

— Он придёт за тобой, — сказала Мадлен в спину.

Вивьен остановилась.

— Я не ложь, — сказала она, не оборачиваясь. — Я просто не верю в правду.

Она ушла. Толпа расступалась перед ней — лёгкий гипноз, без усилий. Люди отводили взгляды, забывали, что видели маркизу де Монтеспан.

В дверях она обернулась.

Монтегю смотрел прямо на неё. Его глаза были серыми — как пепел, как зимнее небо, как ничто. Вивьен отвела взгляд. Сделала шаг к выходу. Посмотрела снова — он не моргнул. Вообще. Ни разу за всё время. Он смотрел без любопытства, без угрозы. Как зеркало.

«Не моё дело, — подумала Вивьен. — Я не подписывала Договор. Я не принадлежу ни к какому клану. Я просто тень.»

Она вышла в ночь. Холодный воздух ударил в лицо. Она села в экипаж и закрыла глаза. Попыталась забыть серый взгляд, который смотрел сквозь неё.

Не смогла.

ГЛАВА 2. ЧАСОВЩИК

Париж, 1763 год, осень

Улица Святого Мартина, на следующий день после бала

Мастерская Себастьяна Моро пряталась в глубине двора, за высокой аркой, где кончался шум улицы и начиналась тишина. Вивьен любила это место. Особенно сегодня. Особенно после бала, где на неё смотрели глаза, у которых не было запаха.

Она толкнула дверь, и колокольчик над притолокой звякнул — коротко, звонко, как смех ребёнка.

— Я слышал твои шаги за квартал, — раздался голос из глубины комнаты. — Ты сегодня тяжёлая.

Себастьян стоял у верстака, не оборачиваясь. Его пальцы — длинные, с вечно чёрными ногтями — перебирали шестерёнки. Спина прямая, плечи чуть ссутулены.

— Тяжёлая — это про вес, — ответила Вивьен. — Я не толстею.

— Я не про вес. Я про походку. Ты ступаешь, как будто несёшь кого-то на плечах.

Он обернулся. Светло-серые глаза — почти прозрачные, как у человека, который слишком долго смотрел на солнце. Или слишком долго сидел в темноте.

Себастьяну было тридцать четыре. Он выглядел на все сорок. Впалые щёки, морщины, седина. Но руки — молодые. Сильные. Умелые. Он вернулся к верстаку, взял пинцет и поднёс к маленькому механизму — что-то вроде сердца из меди и стали. Шестерёнка выскользнула, упала на пол, покатилась под шкаф. Себастьян выругался — тихо, одними губами. Вивьен смотрела, как он ползает на коленях, и впервые заметила, что его левая нога немного подворачивается. Старая травма. Он был слишком спокойным для человека, который знал, что его гостя пьёт кровь.

— Ты бледна, — сказал он. — Бледнее обычного.

— Я всегда бледна. Я вампир.

— Сегодня ты бледна даже для вампира.

Он подошёл к столику, налил что-то в чашку.

— Чай. С мёдом и кровью. Баранья.

— Ты держишь в доме кровь для меня?

— Я держу в доме всё, что может тебе понадобиться. Ты приходишь раз в две недели. Я не хочу, чтобы ты ушла голодной.

Вивьен взяла чашку, отпила. Металлический привкус, который она ненавидела и любила.

— Спасибо, — выдавила она.

Себастьян кивнул и протянул ей шкатулку из чёрного дерева. Внутри лежали часы — серебряные, с эмалевым циферблатом. Две маски, белая и чёрная, соединённые лентой.

— Это работа, — тихо сказала Вивьен. — Ты превзошёл себя.

— Я превзошёл того, кто делал часы до меня. А себя — ещё нет.

Она улыбнулась. Настоящей улыбкой.

— Сколько я должна?

— Ничего.

— Я не беру подарки.

— Ты не берёшь их от людей, которых не уважаешь. Ты меня уважаешь?

Она замерла.

— Ты единственный человек, который знает, кто я, и до сих пор жив.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я могу дать.

Он смотрел на неё несколько секунд, потом кивнул и полез в ящик стола. Достал маленькую бронзовую маску — с шарнирами, с крошечными шестерёнками внутри.

— Ты носишь маски всегда. Я подумал — пусть у тебя будет настоящая.

— Она не снимается?

— Снимается. Но шестерёнки заклинит, если их коснётся чужая рука.

Вивьен повертела маску в руках. Бронза была холодной, но внутри, где шестерёнки касались друг друга, чувствовалось тепло. Как будто маска была живой.

— Ты делаешь часы, которые измеряют время, которого у меня нет. И маски, которые прячут лицо, которого у меня не видно.

— В зеркалах ты не отражаешься. Но ты отражаешься во мне. Я тебя вижу. — Но когда ты злишься, — добавил он, не глядя на неё, — твои зрачки становятся чуть уже. Когда голодна — ты прикусываешь губу с левой стороны. А когда боишься... ты вообще не дышишь. Даже по-вампиРСки.

Она закрыла маску в шкатулку.

— Будь осторожен. Люди, которые меня видят, обычно долго не живут.

— Я живу уже два года с тех пор, как ты спасла меня.

— Я не спасала. Тот вампир охотился на моей территории. Ты был свидетелем.

— Ты вытащила меня из подвала, перевязала рану и сказала: «Беги». Если это не спасение...

Она не хотела вспоминать. Но память пришла сама.

Подвал на улице Сент-Оноре. Она спустилась убивать. В углу — человек с разорванной рукой.

Подвал пах сыростью и железом. И чем-то сладким — гниющим деревом, что ли. Вивьен тогда подумала: интересно, он чувствует этот запах или уже привык.

— Помогите.

Она перевязала рану. Её пальцы коснулись его раны. Кровь была горячее. Слишком горячей для подвала. Для мёртвого тела. Для неё. Гипноз. Он должен был забыть.

— Я не пьян. Я всё помню. Вы — та, кто пьёт кровь. Зачем?

Она ушла. Вернулась через две недели. Он ждал.

— Ты не загнипнотизировался, — сказала Вивьен, возвращаясь в настоящее.

— Я был монахом, — сказал он. — До того, как стать часовщиком. Мы не должны были читать те книги. Но мы читали. Я видел там такое... — он замолчал, покачал головой. — Вера умерла быстро. А в пустоту даже гипноз не падает. Проваливается.

Вивьен взяла шкатулку, повернулась к двери.

— Себастьян?

— Да?

— Я вчера была на балу. Там был человек. Он не пахнет. Вообще.

Себастьян замер. Его пальцы побелели на подоконнике.

— Нет, — сказал он. — Но я поищу.

— Не надо. Это не моё дело. Забудь.

Она вышла. Колокольчик звякнул тревожно.

Себастьян остался стоять у окна. Он смотрел на дверь, за которой скрылась Вивьен, и думал о человеке без запаха.

Он соврал. Он слышал о таком. Один раз, в монастыре, в книгах, которые не показывали послушникам.

Но он не сказал ей. Не сейчас.

Он вернулся к верстаку, взял шестерёнку, посмотрел на неё и отложил в сторону.

Работа не шла. Он взял другую шестерёнку. Та выскользнула из пальцев и упала на пол. Он не стал её поднимать. Просто стоял, глядя на пустой верстак, и слушал, как стучат часы на стене. Слишком громко.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

Париж, 1763 год, осень
Два дня спустя после бала
Ночь над Сеной была холодной, как лезвие.

Вивьен шла по набережной, и её шаги тонули в шуме воды — чёрной, маслянистой, неспешно тянувшей свои воды к морю. Луна висела низко, разбитая на сотню осколков в речной ряби. Фонари на мосту горели тускло — масла не хватало, света едва хватало, чтобы обозначить контуры каменных перил.

Она любила это время. Когда город спал, но ещё не умер. Когда в окнах горели редкие свечи — кто-то не мог уснуть, кто-то не хотел, кто-то считал последние минуты своей жизни.

С набережной доносились запахи. Рыба, тина, мокрая шерсть — с реки. Сухой хлеб, прокисшее вино, старая капуста — из подвалов таверн. И над всем этим — тонкий, едва уловимый аромат осени: прелые листья, первый лёд на лужах, дым из печных труб.

Вивьен шла медленно, не прячась. В этой тьме она была неотличима от тени — чёрное платье, чёрный плащ, лицо, скрытое капюшоном. Если бы кто-то её увидел, то принял бы за вдову, которая не нашла покоя. Или за призрак.

Иногда она думала, что призраки — это просто вампиры, которые устали прятаться.

Она остановилась у парапета, глядя на воду. Сена текла, как время — неумолимо, равнодушно. Она помнила этот берег таким же сорок лет назад. И через сорок лет он будет таким же. А её, возможно, уже не будет.

Или будет.

Вечность — это не дар. Это наказание, которое ты примеряешь на себя каждый день, как тесный корсет.

Она уже собралась идти дальше, когда почувствовала запах.

Запах крови — старой, разложившейся, той, что уже не пахла железом, а пахла смертью. Но был ещё один запах. Или его отсутствие. Вивьен вдруг поняла, что не слышит ни крыс, ни бродячих собак, которые обычно роются в таких переулках. Тишина стояла такая, будто сама смерть запретила кому-либо приближаться.

Она могла бы пройти мимо. Ей не было дела до чужих трупов.

Но что-то заставило её свернуть в переулок.

Тело лежало у стены, в тени, где не горели фонари. Слуги ещё не нашли его — или побоялись подойти. Вивьен остановилась в трёх шагах, разглядывая.

Барон д'Орлеан. Она узнала его по перстню — массивному золотому кольцу с чёрным опалом, которое он никогда не снимал. Старый вампир. Любил сплетничать, играть в карты и жаловаться на молодёжь.

Теперь он не жаловался.

Он лежал на спине, руки раскинуты, глаза открыты. Его лицо застыло в выражении, которое Вивьен не могла прочесть — не страх, не боль, не удивление. Что-то другое. Что-то, похожее на стыд.

Она подошла ближе и увидела спину.

Клеймо. Выжженное на коже, прямо между лопаток. Одно слово, выведенное аккуратным, почти каллиграфическим почерком:

VÉRITÉ

Правда.

Вивьен наклонилась, рассматривая края раны. Серебро? Нет. Не металл. Она понюхала — никакого запаха магии, никакого отголоска заклинания. Только горячая плоть. Но кожа вокруг клейма была не обожжённой. Она была стёртой — как будто само слово «Правда» выело

её изнутри. Вивьен коснулась края раны. Кожа была холодной. Слишком холодной для только что убитого. Словно смерть пришла не снаружи, а изнутри.

— Ещё один труп, — сказала она вслух.

Голос прозвучал ровно. Бесстрастно. Цинично.

Она выпрямилась и уже собралась уходить, когда услышала шаги. Много шагов. Быстрых. Она отступила в тень, сливаясь со стеной.

Из-за угла вышли трое.

Первый — высокий, с седыми волосами, в чёрном плаще с серебряной вышивкой. Герцог де Роган-Монбазон. Вивьен видела его на балах, но никогда не разговаривала. Он был из тех, кто смотрит сквозь тебя, как сквозь стекло.

Второй — женщина, молодая, с красными глазами, которые она даже не пыталась скрыть. Только что обращённая? Нет, скорее та, кто недавно пила. Зрачки ещё не сузились.

Третий — старый, сгорбленный, с тростью из чёрного дерева. Его лицо было покрыто паутиной морщин, но глаза оставались ясными, зелёными, пронзительными.

— Барон, — сказал герцог, останавливаясь над телом. — Я знал его сто лет.

— Кто это сделал? — спросила женщина. Её голос дрожал.

— Правда, — ответил старик с тростью. — Судя по клейму.

— Что это значит? — не поняла женщина.

— Это значит, что кто-то решил напомнить нам о наших грехах, — сухо сказал герцог. — Вопрос — кто именно. — Если это правда, — сказал герцог, понизив голос, — значит, Договор больше не защищает нас.

Женщина с красными глазами побледнела ещё сильнее.

— Тише, — прошептала она.

Он поднял голову и посмотрел прямо в тень, где стояла Вивьен.

— Выходите, — сказал он. — Я чувствую ваше дыхание.

Она могла бы остаться. Он не был уверен. Но Вивьен устала прятаться. Она сделала шаг вперёд, выходя в свет.

— Маркиза де Монтеспан, — сказал герцог, узнавая маску. — Я не знал, что вы в Париже.

— Я нигде и везде, — ответила Вивьен. — Я просто проходила мимо.

— Просто проходили мимо тела старого вампира, на спине которого выжжено слово «Правда»? — герцог усмехнулся. — Удачное совпадение.

— Я живу удачно, — сказала Вивьен. — Это моё проклятие.

Женщина с красными глазами посмотрела на неё с любопытством. Старик с тростью — с подозрением. Герцог — с холодным интересом.

— Что вы видели? — спросил он.

— Ничего. Я пришла, когда он уже был мёртв.

— Вы знаете, кто он был?

— Барон д'Орлеан. Любил карты и сплетни.

— Он был одним из нас, — сказал герцог. — Членом клана Лувр. И кто-то убил его, чтобы послать нам сообщение.

— Какое сообщение? — спросила Вивьен.

— Что мы не те, кем кажемся, — ответил старик с тростью. — Что наши маски слетят. Что правда выйдет наружу.

Вивьен посмотрела на него. В его голосе было что-то странное — не страх, не гнев, а что-то похожее на облегчение. Словно он ждал этого дня.

— Вы знаете, кто это сделал, — сказала она.

Старик молчал.

— Отвечайте, — приказал герцог.

— Я знаю только то, что это не человек, — тихо сказал старик. — И не вампир. И не охотник. Это... что-то другое. Что-то, что родилось из нашей собственной лжи.

— Бредни, — отрезал герцог. — Старческий бред.

— Может быть, — согласился старик. — Но барон от этого не воскрес.

Он повернулся и пошёл прочь, опираясь на трость. Женщина с красными глазами последовала за ним, бросив на Вивьен последний взгляд — испуганный, любопытный, как у ребёнка, который увидел призрака.

Герцог остался.

— Вы не из клана Лувр, — сказал он, разглядывая Вивьен. — Я бы запомнил ваше лицо.

— Я ниоткуда, — ответила она. — Я сама по себе.

— Одиночки долго не живут, — сказал герцог. — Вампиры — стайные существа. Мы нужны друг другу.

— Я вампир восемьдесят лет, — сказала Вивьен. — Дольше, чем многие из ваших стайных.

Герцог усмехнулся. Не зло — скорее уважительно.

— Берегите себя, маркиза, — сказал он. — Кто-то охотится на нас. И если вы ничья, вы — самая лёгкая мишень.

Он ушёл, не оборачиваясь.

Вивьен осталась одна с телом барона.

Она стояла неподвижно, глядя на его открытые глаза, на клеймо между лопаток, на застывшее лицо. В переулке было тихо — только ветер гонял сухие листья по мостовой.

И вдруг она почувствовала это.

Способность, которая жила в ней уже сорок четыре года, зашевелилась, как зверь в клетке. Она всегда чувствовала её рядом с мёртвыми — это томление, это желание примерить, стать, исчезнуть в чужой смерти.

Она могла уйти.

Но не ушла.

Вивьен опустилась на колени рядом с телом барона. Её пальцы коснулись его виска — холодного, воскового. Она закрыла ему глаза.

— Прости, — сказала она. — Мне нужно узнать.

Она сделала вдох — глубокий, как перед погружением в воду. И позволила себе упасть.

Маскарад лжи.

Мир вокруг потемнел, а потом вспыхнул чужими воспоминаниями.

Она почувствовала, как её тело меняется — не физически, а глубже, на уровне того, что можно назвать душой. Кости не трещали, плоть не перетекала. Это было тоньше. Она просто переставала быть собой и становилась им.

Бароном д'Орлеаном.

На секунду она забыла своё имя.

Она — он — сидит в кресле у камина. В руках — бокал с кровью (человеческой, тёплой, купленной у донора). Он смотрит на огонь и думает о том, что живёт уже слишком долго. Все, кого он любил, умерли. Все, кого он ненавидел, тоже. Остались только карты, сплетни и пустота.

— Барон, вас спрашивает какой-то человек, — голос слуги.

— Кто?

— Он не назвал имени.

Он встаёт. Идёт в гостиную. Там, у окна, стоит мужчина в чёрном. Высокий. Худой. Лица не разглядеть — оно словно размыто, как отражение в мутной воде.

— Кто вы? — спрашивает барон.

— Правда, — отвечает мужчина.

— Я не понимаю.

— Вы подписали Договор двести лет назад, — говорит мужчина. — Вы солгали. Все вы солгали. Я пришёл за вами.

Барон хочет засмеяться — он вампир, его нельзя убить так просто. Но мужчина подходит ближе, и барон чувствует: он не пахнет. Ничем. И сердце его не бьётся. И крови в нём нет.

— Что вы? — шепчет барон.

— Я — то, что вы создали, — отвечает мужчина. — Вашу ложь. Она обрела плоть.

Мужчина протягивает руку. Когда он заговорил, огонь в камине не дрогнул. Пламя замерло, как на картине. Будто время в комнате остановилось. Барон пытается бежать — но ноги не слушаются. Потому что в глубине души он знает: этот человек — прав. Он солгал. Все они солгали. И теперь ложь пришла за платой.

Рука касается его лба. И мир гаснет.

Вивьен вынырнула из смерти, как из ледяной воды.

Она сидела на коленях рядом с телом, дрожа. Её дыхание было рваным — хотя вампирам не нужно дышать. Её сердце колотилось — хотя оно билось раз в минуту.

— Что ты сделала? — прошептала она себе.

Она увидела убийцу. Не лицо — оно оставалось размытым. Но она почувствовала его. Пустоту. Отсутствие запаха. Отсутствие сердца.

Монтегю.

Это был он.

Вивьен поднялась. Её ноги дрожали — не от страха, а от того, что способность всегда оставляла после себя. Чужая смерть оставалась в ней, как осколок стекла под кожей. Она чувствовала усталость барона, его одиночество, его стыд.

Она знала, что он чувствовал в последний момент.

Страх? Нет.

Облегчение.

Барон д'Орлеан не боялся смерти. Он ждал её. Слишком долго.

Вивьен посмотрела на свои руки. Они были чистыми — но она чувствовала на них его кровь.

— Теперь ты во мне, — сказала она тихо. — Как и все остальные.

Она посмотрела на клеймо — VÉRITÉ — и наконец поняла.

Правда — это не слово на спине мёртвого вампира.

Правда — это то, что она только что пережила. Чужая смерть. Чужая вина. Чужая ложь.

Она развернулась и пошла прочь, оставляя тело в тени. Но тяжесть барона осталась с ней — в её груди, в её памяти, в её проклятой способности, которая заставляла её носить всех, кого она встречала на пути мёртвыми.

— Не моё дело, — сказала она громко, как будто кто-то мог её слышать.

И впервые за много лет поняла, что солгала.

Он придёт за ней. Не за бароном. Не за подписантами. За ней. Потому что она теперь — часть этой лжи. И правда, которую она носила в себе сорок четыре года, была только её собственной.

ГЛАВА 4. НОЧНЫЕ ПОХОРОНЫ

Париж, 1763 год, осень

Три дня спустя после смерти барона

Кладбище Сен-Жермен-де-Пре пряталось в тени старой церкви, где даже днём солнце не могло пробить толщу каменных стен. Ночью здесь было темно, как в склепе.

Вивьен не любила похороны.

Не потому, что они напоминали ей о смерти — смерть была её ремеслом. А потому, что на похоронах вампиры переставали притворяться. Они снимали маски — не все, но многие — и показывали свои настоящие лица. Жадные, испуганные, злые.

Или — что ещё хуже — печальные.

Она стояла в заднем ряду, под сенью старого дуба, чьи корни уходили в землю глубже, чем некоторые склепы. На ней было чёрное платье — не траурное, нет, у вампиров нет траура. Просто чёрное, чтобы сливаться с тенями.

В центре кладбища, на временном помосте, лежал гроб. Открытый. Вампиры не прячут своих мёртвых — им нечего бояться света, если свет не солнечный.

Барон д'Орлеан лежал в гробу, как спящий. Кто-то закрыл ему глаза, сложил руки на груди, надел чистый камзол. Клеймо на спине скрывал густой слой присыпки — кто-то постарался, чтобы гости не видели слова «Правда» на теле покойного.

Под слоем присыпки всё равно оставался запах. Слабый, почти стёртый, но для неё — кричащий. Вивьен поймала себя на мысли, что хочет провести ногтем по спине барона. Соскре-сти эту «правду». Посмотреть, что под ней. Она сжала пальцы. Не сейчас.

Но Вивьен знала. Она видела.

И она знала, что другие тоже знают. Воздух был плотным от невысказанных вопросов.

— Это уже третий за месяц, — прошептал кто-то позади.

— Третий официально, — ответил другой. — Не делай вид, что не слышал про Лион.

— Заткнись.

Вивьен не обернулась. Но голоса запомнила.

Вокруг гроба собралось около тридцати вампиров. Мужчины и женщины, старые и молодые (на вид), богатые и бедные. Вивьен узнавала некоторых — по балам, по операм, по случай-ным встречам в ночных переулках. Она ни с кем не была знакома. И никто не подошёл к ней.

Она была тенью среди теней.

— Вы пришли.

Голос раздался справа. Вивьен не повернула головы.

— Герцог, — сказала она. — Я думала, вы стоите у гроба.

— Я стоял. Потом устал слушать, как притворяются, что им жаль.

Герцог де Роган-Монбазон подошёл ближе, и Вивьен наконец посмотрела на него. Вблизи он был старше, чем казалось издали. Не лицом — лицо было гладким, как у тридцатилетнего. А глазами. В них была такая глубина, что можно было утонуть.

— Вам не жаль? — спросила Вивьен.

— Барон был дураком, — сказал герцог. — Но он был нашим дураком. И кто-то убил его, чтобы унижить нас.

— Или чтобы сказать правду.

Герцог посмотрел на неё долгим взглядом.

— Вы верите в правду, маркиза?

— Я верю в то, что вижу.

— А что вы видели на теле барона?

— То же, что и вы.

Герцог усмехнулся. Невесело.

— В Париже говорят, что это охотники из Ватикана, — сказал он. — У них новый метод. Они не убивают крестом и святой водой. Они выжигают слова на спинах.

— Охотники не знают слова «правда», — сказала Вивьен. — Они знают только слово «грех».

— Вы умны, маркиза. — Герцог склонил голову. — Это опасно.

— Я опасна, — ответила Вивьен. — Это по-разному.

Они замолчали. В тишине был слышен голос священника — живого, приглашённого для виду. Он бормотал латинские молитвы, не понимая, что никто из присутствующих не слушает.

На слове «veritas» он запнулся. На секунду. Как будто не смог произнести его.

— Кто он? — спросила Вивьен, кивнув на священника.

— Наёмник, — ответил герцог. — Стоит десять ливров за ночь. Не задаёт вопросов.

— Удобно.

— Все мы ищем удобства, маркиза. Даже мёртвые.

Герцог повернулся, собираясь уйти, но Вивьен остановила его:

— Вы сказали, что барон был «нашим». Что это значит? «Наши» — это те, кто подписал Договор?

Герцог замер.

— Я не говорил этого.

— Вы сказали, что он был «нашим». А Договор — это то, что делает вас «нами».

Герцог медленно повернулся. В его глазах не было удивления. Только усталость.

— Вы слишком любопытны, маркиза. Это опасная черта.

— Я живу в Париже много лет, — сказала Вивьен. — Я слышу слухи.

— Слухи убивают, — сказал герцог. — Особенно те, которые говорят правду.

Он шагнул к ней ближе, почти вплотную. Вивьен не отступила. Она чувствовала его силу — старый вампир, сотни лет за плечами, кровь, которая помнила времена, когда Париж был деревней.

— Договор — это наша защита, — тихо сказал он. — Он позволяет нам жить среди людей, не боясь костров и кольев. Кто-то хочет его разрушить.

— И держит в клетке, — тихо добавил кто-то в толпе.

Кто-то в толпе резко вдохнул. Слишком резко. Как живой.

Герцог не обернулся. Но на секунду все замолчали.

— Кто?

— Я не знаю. Но я найду.

— А если Договор сам себя разрушает? — спросила Вивьен.

Герцог посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который только что сказал нечто невозможное. И опасное.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, — ответила Вивьен. — Я просто задаю вопросы.

— Перестаньте, — сказал герцог. — Вопросы убивают быстрее, чем слухи. В следующий раз я не буду просить.

Он ушёл, исчезая в толпе скорбящих вампиров. Вивьен осталась под дубом, провожая его взглядом.

Она уже собиралась уйти, когда заметила её.

Мадлен стояла у северной стены кладбища, отдельно от всех, в тени старого склепа. На ней был тёмный плащ с капюшоном, низко надвинутым на лицо, но Вивьен узнала бы её по осанке — прямая спина, чуть откинута голова, руки скрещены на груди.

Она смотрела на Вивьен.

Не на гроб. Не на герцога. На Вивьен.

Их взгляды встретились на секунду. Мадлен не двинулась с места, не подошла, не кивнула. Просто смотрела — как смотрят с другого берега реки, зная, что переплыть не получится.

Вивьен отвела глаза первой.

Когда Вивьен отвернулась, ей показалось, что губы Мадлен шевельнулись. Одно слово. Она не была уверена, что услышала его правильно.

«Беги».

Когда она посмотрела снова, Мадлен уже не было. Только пустая стена и дрожащая тень от ветки старого дуба.

Церемония закончилась быстро. Священник допил латинскую молитву, вампиры разошлись кто куда — в экипажи, в тени, в ночь. Гроб остался стоять на помосте — его должны были закопать слуги на рассвете, когда солнце уже взойдёт, но ещё не будет жечь.

Вивьен подошла к гробу последней.

На секунду ей показалось, что кожа вокруг клейма едва заметно дрогнула. Как будто слово всё ещё жило. Вивьен моргнула. Движение исчезло.

Барон лежал с закрытыми глазами, и его лицо было спокойным. Она не знала, был ли он хорошим вампиром. Не знала, был ли он хорошим человеком. Знала только, что он умер, потому что подписал документ двести лет назад.

Документ, которого она никогда не видела.

Документ, который, по слухам, был написан ложью.

Она могла уехать. Могла забыть. Делала это десятки раз. Но в этот раз мысль не отпустила. Не потому что барон умер. А потому что кто-то назвал это «правдой». И это слово зацепилось за неё. Как будто это уже было не её решение.

— Покойся с миром, — сказала она. — Если сможешь.

Она развернулась и пошла к выходу с кладбища.

У ворот её ждал экипаж. Она села внутрь, откинулась на сиденье и закрыла глаза.

Перед внутренним взором всё ещё стояла Мадлен — её неподвижная фигура у стены, её взгляд, который говорил: «Я здесь. Я жду. Ты ещё придёшь».

— Чёрт бы тебя побрал, — прошептала Вивьен.

Но в глубине она знала: не Мадлен. А то, что идёт за ними всеми.

Экипаж тронулся, увозя её в Париж.

ГЛАВА 5. ВТОРАЯ СМЕРТЬ

Париж, 1763 год, осень

Четыре дня спустя после смерти барона

Собор Парижской Богоматери спал.

Его огромные двери были заперты, окна — темны, только звёзды отражались в свинцовых переплётах витражей. Ночь обнимала каменные стены, как любовница, которая знает, что утром её прогонят.

Вивьен не любила церкви.

Не потому, что они жгли вампиров в старые времена. А потому, что в них пахло верой — той, которой у неё не было. Вера пахла ладаном, воском и чем-то сладким, похожим на надежду. Это был запах, от которого ей хотелось чихать.

Но сегодня она пришла сюда не молиться.

Слухи разлетелись по Парижу быстрее, чем пожар по сухой соломе. Ещё одно тело. В соборе. На этот раз — женщина.

Вивьен шла по боковому приделу, где тени стучались так, что можно было спрятать целую армию. Её шаги не звучали — она ступала на носки, как учили. Бесшумно. Незаметно.

Тело лежало перед алтарём.

Не в гробу, не на катафалке. Просто на каменном полу, раскинув руки, как распятая. Женщина лет сорока на вид, с короткими тёмными волосами и шрамами на лице. На ней был мужской камзол — когда-то дорогой, теперь разорванный и залитый кровью.

Вивьен подошла ближе.

Она узнала её. Это была вампирша из клана Горгулий — та, что приходила на похороны барона три дня назад. Стояла у стены, смотрела испуганными глазами, кусала губы.

Теперь она не кусала губы.

Вивьен обошла тело и увидела спину. Клеймо было таким же, как у барона — выжженное слово «VÉRITÉ» между лопаток. Но на этот раз кто-то не стал прятать его присыпкой. Слово горело на коже, как обвинение.

— Ты пришла, — раздался голос из темноты.

Вивьен не вздрогнула. Она знала, кто это.

— Мадлен, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты всегда появляешься там, где пахнет смертью.

— Я появляюсь там, где пахнет правдой, — ответила вампирша, выходя из тени колонны.

Она была в том же плаще, что и на похоронах, но капюшон был откинут. Её лицо в свете одинокой свечи выглядело старым. Не лицом — глазами.

— Ты знаешь её? — спросила Вивьен, кивнув на тело.

— Я знала, — поправила Мадлен. — Её звали Элоиза. Мы пересекались в Лиссабоне, лет пятьдесят назад. Она была жестокая. Но справедливая.

— Она оторвала голову своему обратившему, — добавила Мадлен. — За то, что тот убил ребёнка. Не вампира. Человеческого. Ей было плевать на законы.

— Была.

— Теперь — нет.

Они замолчали. Тишину нарушало только дыхание свечи — если у пламени есть дыхание.

— Зачем ты позвала меня? — спросила Вивьен. — И как ты узнала, где я?

— Я не звала. Я ждала. — Мадлен сделала шаг вперёд. — Я знала, что ты придёшь. Ты приходишь на все смерти. Тебе не всё равно, как бы ты не притворялась.

Вивьен хотела возразить. Но не стала.

— Кто она была? — спросила она вместо этого. — Не имя. Кто она была для них?

— Для кого — для них?

— Для тех, кто убивает.

Мадлен посмотрела на тело. Её лицо было непроницаемым, но Вивьен заметила, как дрогнули пальцы на её левой руке.

— Она была одной из двенадцати, — тихо сказала Мадлен.

— Двенадцати — кого?

— Подписантов Маскарадного договора.

Вивьен нахмурилась.

— Договор — это просто правила. Свод законов. Я думала, его никто не подписывал.

— Ты думала неправильно. — Мадлен подошла к телу и опустила на корточки, разглядывая клеймо. — Двести лет назад двенадцать старейших вампиров Франции собрались в Версале. Они написали Договор. Они скрепили его кровью. Они поклялись соблюдать.

Вивьен представила этот лист. Двести лет назад. Кровь на пергаменте, которая ещё не высохла. Подписи, которые, говорят, до сих пор шевелятся по ночам. Как будто ложь не может успокоиться.

— И что? — Вивьен скрестила руки на груди. — Договор нарушают все. Я нарушаю. Ты нарушаешь.

— Дело не в нарушении. Дело в том, что они солгали, когда подписывали.

Мадлен подняла голову, и в её глазах Вивьен увидела что-то, чего не замечала раньше. Страх. Настоящий, животный страх, который вампиры прячут так глубоко, что он прорастает только через сто лет.

— Они поклялись, что вампиры — благородные хищники, — сказала Мадлен. — Что мы пьём только кровь грешников. Что мы не убиваем детей. Что мы уважаем людей. Это была ложь. Они знали, что это ложь. Но они подписали.

— И что с того? Ложь не убивает.

— Эта ложь убивает, — сказала Мадлен. — Она убила пятерых в Лиссабоне. Она убила барона. Она убила Элоизу. И она убьёт остальных, если мы не остановим её.

Вивьен молчала.

Она смотрела на тело, на клеймо, на лицо Мадлен — и впервые за долгое время не знала, что сказать.

— Кто это сделал? — спросила она наконец.

— Ты знаешь кто, — ответила Мадлен. — Ты видела его на балу.

— Монтегю.

— Он самый.

Вивьен покачала головой.

— Он человек. Я чувствую людей. Он не пахнет, но...

— Он не человек, — перебила Мадлен. — И не вампир. Он — то, что родилось из нашей лжи. Он — воплощение Договора. И он пришёл забрать то, что ему принадлежит.

— Что именно?

— Наши жизни. Наши души. Нашу ложь.

Вивьен отвернулась к алтарю. Свеча горела ровно, не мигая, и её огонь отражался в золотом кресте.

— Сколько их осталось? — спросила она. — Подписантов?

— Двенадцать было, — сказала Мадлен. — Трое умерли своей смертью. Пятерых он убил до того, как я приехала в Париж. Барон и Элоиза — шестой и седьмой.

— Сколько сейчас?

— До этой ночи в живых оставалось трое, — Мадлен посмотрела на тело. — Теперь — двое.

— И ты знаешь, кто они?

— Я знаю, где один. Другой — призрак. Может быть, его уже нет в живых. Может быть, его никогда не существовало.

Вивьен провела рукой по лицу. Жест усталости, который она не могла контролировать.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Он уже смотрит на тебя, — тихо сказала Мадлен. — Ты просто ещё не поняла, что он выбрал тебя.

— Я не подписывала Договор.

— Ты носишь маски. Ты лжёшь каждый день. Ты — такая же ложь, как и мы. — Мадлен встала и подошла к Вивьен почти вплотную. — Монтегю не разбирает, кто подписал, а кто нет. Он убивает всех, кто причастен к обману. А ты, Вивьен де Лакруа, — самая искусная лгунья из всех, кого я встречала.

Вивьен хотела возразить. Хотела сказать, что она не лжёт, что она просто выживает, что это другое.

Но она не сказала ничего.

Потому что Мадлен была права.

«Самая искусная лгунья». Слова впились под кожу. Вивьен вдруг поняла: она никогда не считала ложь своей главной чертой. Она считала её защитой. Но для Монтегю это одно и то же.

— Что ты предлагаешь? — спросила Вивьен.

— Объединиться. Найти остальных подписантов. Узнать, как убить Монтегю.

— Я не убиваю за компанию.

— Ты будешь убивать за свою жизнь.

Мадлен протянула руку. Вивьен посмотрела на неё — на шрамы, на бледную кожу, на вены, которые просвечивали сквозь плоть, как синие реки под тонким льдом.

— Я подумаю, — сказала Вивьен.

— Не думай слишком долго. — Мадлен убрала руку. — Времени у нас мало. Он убивает быстро.

Она повернулась и пошла к выходу из собора. Её шаги затихли в боковом приделе, и через минуту Вивьен осталась одна.

Одна с телом. Одна с правдой. Одна с выбором.

Она опустилась на колени рядом с Элоизой и закрыла ей глаза.

— Ты была жестокая, но справедливая, — сказала она, повторяя слова Мадлен. — Это больше, чем могут сказать обо мне.

Она встала, отряхнула платье и пошла к выходу.

У дверей собора она обернулась.

Алтарь тонул во тьме. Свеча погасла — может быть, от сквозняка, может быть, сама.

Вивьен шагнула к выходу. И замерла.

Ей показалось, что кто-то стоит за колонной. Не Мадлен. Кто-то другой.

Она обернулась. Пусто.

Но холод по спине остался.

Вивьен вышла в ночь.

На улице она остановилась. Подняла лицо к небу. Звёзд не было.

— Что, если я не смогу перестать лгать? — прошептала она.

Никто не ответил.

ГЛАВА 6. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Париж, 1763 год, осень

Особняк Вивьен на улице Святого Мартина

На следующую ночь после убийства Элоизы

Особняк Вивьен прятался за высокими воротами, которые никто никогда не открывал при свете дня. Соседи думали, что здание пустует — что хозяйка умерла или уехала в провинцию. Они были правы и неправы одновременно.

Хозяйка действительно умерла. Но она жила здесь по ночам.

Вивьен проснулась с закатом.

Она не спала — вампиры не спят по-настоящему, — но каждый вечер начинался с одного и того же ритуала. Она открывала глаза, смотрела в потолок, считала до ста. Проверяла, всё ли на месте. Руки — здесь. Ноги — здесь. Сердце бьётся — раз в минуту, как часы.

Она вставала, шла к умывальнику, плескала холодную воду в лицо. В зеркале над умывальником никого не было — только пустая комната за её спиной. Она давно перестала смотреть в него.

Она одевалась медленно, как в агитационный перед битвой. Сорочка, корсет, юбки, платье — чёрное, простое, без украшений. Волосы собрала в пучок — не потому, что так удобно, а потому, что не хотела тратить время на причёски. Время было единственным, чего у неё было в избытке, но она всё равно его экономила.

Она спустилась на первый этаж, где её ждал флакон с кровью. Сегодняшний, от Маргариты. Добровольная, купленная, чистая.

Вивьен отвинтила пробку и сделала глоток.

Кровь была тёплой — она держала флакон у тела — и солёной, с привкусом железа. Не то чтобы вкусно. Но необходимо.

Она пила маленькими глотками, глядя в окно на улицу. За стеклом медленно угасал день. Париж готовился к ночи — зажигались фонари, закрывались лавки, редкие прохожие спешили по домам.

Вивьен любила этот час. Между светом и тьмой. Между жизнью и смертью. Её час.

Она поставила пустой флакон на стол, накинула плащ и вышла.

Она не планировала охотиться сегодня.

Но голод напомнил о себе тупой болью за грудиной. Кровь Маргариты утоляла жажду, но не насыщала. Баранья кровь — для новорождённых. Ей нужно было что-то другое.

Вивьен шла по набережной, не прячась. В этой тьме она была неотличима от тени. Она слушала город — сердцебиения, шаги, шёпот. Искала того, кто не будет оплакан. Того, кто не оставит следа.

Она нашла его в переулке у таверны.

Мужчина лет сорока, пьяный, шатающийся. Он вышел из дверей, опираясь на стену, и что-то бормотал себе под нос. От него пахло дешёвым вином, потом и злостью. Вивьен чувствовала запах его крови — кислой, нечистой, с привкусом болезни. Но живой.

Она подошла к нему сзади. Тень. Беззвучно.

— Помогите, — прошептала она жалобно. — Я заблудилась.

Мужчина обернулся. Увидел женщину в чёрном плаще, с бледным лицом и большими глазами. Улыбнулся.

— Красивая, — сказал он заплетающимся языком. — Идём, я провожу.

Он не знал, что провожает её. И что обратной дороги не будет.

Вивьен улыбнулась в ответ. И повела его в глубь переулков, где фонари не горели и никто не смотрел.

Она не помнила самого момента укуса.

Только вкус. Горячий, густой, живой. Кровь хлынула в рот, и мир на секунду стал ярче, громче, реальнее. Она чувствовала, как его сердце бьётся — сначала быстро, потом реже, потом замирает. Она остановилась за мгновение до того, как оно остановилось навсегда.

Не потому, что пожалела. Потому что не хотела труп.

Она опустила его на землю, прислонив к стене. Вытерла губы тыльной стороной ладони. Кровь на коже — чёрная в темноте.

— Спасибо, — сказала она.

Мужчина не ответил. Он был жив, но уже не помнил ничего. Гипноз — лёгкий, как дуновение — стёр последние минуты. Он проснётся утром с больной головой и решит, что перебрал вина.

Вивьен ушла.

На губах остался привкус его страха. Солёный. Почти сладкий.

Она вернулась в особняк за час до полуночи.

Скинула плащ, прошла в гостиную, зажгла свечи. Села в кресло, глядя на пустой камин, и попыталась не думать о том, что сделала только что.

Не думать — это было её главным умением.

Она провела пальцем по подлокотнику — старый дуб, потёртый, помнящий её отца. Он сидел в этом кресле, когда читал ей сказки. Она не помнила сказок. Помнила только его голос — низкий, спокойный, тёплый.

Она закрыла глаза.

«Ты следующая», — сказала Мадлен в соборе.

Вивьен не боялась. Бояться — значит верить, что есть что терять. А она давно ничего не теряла.

Кроме, возможно, себя.

Шаги на лестнице она слышала за минуту до того, как в дверь постучали.

Тяжёлые. Уверенные. Не слуги.

Вивьен прислушалась к ним — ритм, давление на ступени, пауза перед каждым шагом. Мадлен не пыталась скрыть своё присутствие. Она хотела, чтобы её слышали.

Три секунды тишины перед стуком. Колебание? Или расчёт?

— Входите, — сказала Вивьен, не вставая.

Дверь открылась. Мадлен стояла на пороге, и на этот раз на ней не было плаща с капюшоном. Только мужской камзол — тёмно-синий, с потёртыми локтями — и сапоги, покрытые уличной грязью. Волосы были влажными — шёл дождь, и она не укрывалась.

— Ты не заперла дверь, — сказала она.

— Я ждала тебя.

— Знала, что я приду?

— Знала, что ты не отстанешь.

Мадлен вошла. Она не спешила. Оглядела комнату — быстрым, цепким взглядом, который подмечал всё: количество свечей, толщину штор, возраст кресел, пыль на карнизах. Остановилась у камина, провела пальцем по мраморной полке. Посмотрела на пыль.

— Хороший дом, — сказала она. — Дорогой.

— У вампиров много времени копить деньги.

— У тебя много времени копить одиночество.

Вивьен не ответила.

Мадлен повернулась к ней. В свете свечей её лицо было жёстким, почти мужским — острые скулы, тонкие губы, глаза, которые видели слишком много смертей. Она не села. Стояла, скрестив руки на груди.

— Ты подумала? — спросила она.

— О чём?

— О моём предложении.

— Я не думаю о том, что не собираюсь принимать.

Мадлен усмехнулась. Невесело.

— Ты даже не знаешь, что я предлагаю.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе убить Монтегю, — сказала Вивьен. — Ты хочешь отомстить за свой клан.

Мадлен медленно покачала головой.

— Месть — это роскошь для тех, у кого есть будущее. У меня есть только прошлое. — Она сделала шаг ближе. — Я хочу не убить его. Я хочу понять, как он появляется. Как его остановить. Потому что если не остановить его в Париже, он пойдёт дальше. В Лондон. В Вену. В Москву. И нигде не будет безопасно. Через год не останется ни одного клана. Он не убивает случайно. Он убивает по списку. И список почти закончился.

— И ты думаешь, что я смогу помочь?

— Я думаю, что ты единственная, кто не боится задавать вопросы. И единственная, кто не принадлежит ни к одному клану. Ты не связана клятвами. Ты не обязана никому подчиняться. Ты можешь смотреть на это без страха.

— Я тоже боюсь.

— Ты боишься не его. Ты боишься себя. Это другое.

Вивьен промолчала.

Мадлен подошла к креслу, в котором сидела Вивьен, и опустилась на корточки, заглядывая ей в глаза. Близко. Очень близко.

— Я расскажу тебе историю, — сказала она. — Ты выслушаешь. А потом откажешь. Или нет. Но сначала выслушай.

Мадлен говорила тихо, почти шёпотом, но каждое слово падало в тишину комнаты, как камень в колодец.

— Это был праздник. День всех святых. Люди шли в церкви, молились, ставили свечи. Мы, вампиры, сидели по домам — солнце ещё не село, но уже клонилось к закату.

Я была в своём доме, в подвале. У меня был подвал, как у тебя. Мы все держим подвалы.

Она усмехнулась — невесело.

— Я слышала крики около десяти утра. Сначала думала — землетрясение. В Лиссабоне часто трясёт землю. Но крики были не от страха перед природой. Это были крики смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.